

КАК У НАС ИЗ ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ ДЕЛАЛИ ВРАГОВ

СТРАННОЕ явление природы: раскулачивание. В 1930 году в Рогоской раскулачили много зажиточных крестьян. Помню, что тяжело было везение власти. И все же, как это могло быть, станция шел к станиннику, запускал руки в его сундук, извлек из кладовки, хозяйничал на конюшне. А как же материнское: чуяло не возьми? А хитрости заповедю?

Шолохов в «Поднятой целине» пытался оправдать раскулачивание, но даже его художественной мощи не хватило сделать это убедительно. У него кулак — заводской рабочий человек и добро нежил неправедно, как Тит Бородай, например. А разве честные трудяги не встречались среди зажиточных крестьян?

Как складывалась судьба обобранных до нитки и выселенных людей? Об этом — в воспоминаниях Анны Емельяновны Киная, урожденной Шабатуры. Она была выслана с родителями маленькой девочкой, о себе пишет в третьем лице и называет Галей.

В 1930 году в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 01.02.1930 года Емельяны Порфирьевич Шабатуры 1870 года рождения, мать кулацко-крестьянского хозяйства по политическим мотивам был выслан из станицы Рогоской в административном порядке на спецпоселение в Свердловскую область.

Емельяну уже было 60, семья его состояла из 17 человек. Правда, старшие сыновья Гриша Федя и Карло, женился, жили отдельно. Ушли в замужество и дочери Галя, Наталья и Мотря. Под высылку вместе с отцом попадали младший сын Василий, а также дочери Мила, Надя, Рая, Дуся, Еля, Маня и Галя, всего десять человек вместе с матерью.

Для ведения хозяйства работников Емельяны не нанимали, хватало своих, у него каждый был приставлен к делу. Сыны, женись, продолжали вести с ним хозяйство.

Свое хозяйство было обременено чуждыми и безотказными, помогали, кто бы ни обратился, а крестьянский труд любил до самоубийства, даже редко когда спал дома, все в степи. И вся семья трудилась — пахали, сеяли, пасли гусей, свиней, коров, гоняли лошадей в чужие

Люди ходили как скелеты, черные, с помертвевшими глазами. В Свердловской области выселили всех из вагонов, распределили, куда куда направит. Емельян с семьей попал в гарнизонный район Андрюшенского сельсовета, 55-й поселок. Ехали санями гуськом по колее, взрослые шли пешком, так как лошади слабые. Проезжая селения, просили у людей еду, и те давали. На постоялых дворах, если хозяин добрый — топил баню, и тогда был рай. Лес стоял адовый, густой, темный и кишел волками. Натерпелись страду, но обзаводы большой, шумели громко, и волки не решались напасть, только выли да сверкали огненными точками глаз.

Наконец, приехали. Поселок 55-й представлял собою длинный деревянный барака с нарами вдоль всех стен, посередине стояла печь. Люди выбрали Емельяна старшим, он сразу послал мужиков за дровами и тонкими ровными бревнами — надо было рубить конюшню с наветсом, потому что лошади оставались здесь.

Стены сложили быстро, с крыши повзвилась уже в темь — накрыли хвоей и придавили бревнами, чтобы не разнесло ветром.

В бараке было тепло, так как топил дровами и ночью дров хватало. Ночью всегда дежурили — от волков и поддерживать огонь. В бараке было больше десяти семей, только одна без детей. Каждая знала свой угол, жили дружно, поддерживали друг друга.

Приехал уполномоченный из района, сказал, что каждая семья получает право строить себе дом. Но пока зима, все должны работать на лесозаготовке. Местный колхоз выдал им переселенцам кое-какие продукты. Емельяны — он был на все руки — напустился у местных жителей плести плати, они очень удобны, когда снег. Было заготовлено много штабелей бревен. Но весной стал таять снег, все промокло — плати, одежда,

два класса на одну учительницу. Наконец, назначили собрание по вопросу организации колхоза, куда принимали добровольно. Большинство вступило, но не все. Васюха и Милу ушли далеко работать на стлыв по реке Сосые. Рая и Надя работали на лесоповале, где было много молодежи. Там тяжело, но платили каждый месяц. Даже младший Ело и Дусю взяли в деревню Андрюшку в няньки добрые люди.

Молодежь была, главным образом, против колхоза, а люди среднего возраста вошли в него и работали добросовестно. Колхоз поднимался трудно. Для многодетных семей было выделено два десятка коров. Емельяну участвовал в распределении, но себе, как ни уговаривали все, как ни ругались, взять категорически отказался, горд и упрям был.

Потом Василий принес сверную весту: на Кубань, как они отговаривал. Группа ушла ночью. С тех пор о Миле никаких известий. Остальные по-прежнему жили в трудах и нужде, но перебивались: шла зима 1933 года, и что-то происходило. Так не стало человека, на котором держалась семья. Он всех уверил в своей семье, как ни много житейной уснула вокруг дорога на Урал и жизнь немолодой, а житье голодное.

Бскоре Галя в лесу увидела клещей, который оказался энцефалитным. Только благодаря тому, что хитрилась сразу, она осталась жива, хотя была в состоянии клинической смерти, и рука осталась на всю жизнь ограниченной подвижностью.

Потом открыли детсад, и Галя там поработала, потому что давали обед. Осенью купали картошку в огороде, мама, няньки подчала мешок и понесла. Никто не видел, как она упала с этим мешком, и кровавая пена появилась у нее на губах. Ночью мажора умерла. И вышло так, что из многочисленных детей хоронила ее Маня да Галя, которая еще мало что понимала. Другие дети разбрелись по заработкам и не сразу узнали о смерти матери.

ной перед вспашкой разбрасывали по полю. Все войну выращивали овощи и отправляли на фронт. Так и дожидались конца войны.

В 1947 году вышло разрешение ехать по всей стране, Галя сразу зарепелась ехать на Кубань, куда к ней она мало что помнила.

Денег было мало, решила растянуть, взяла на московский поезд билет до ближней станции, пряталась от кондукторов, но под самой Москвой попалась. У нее отобрали все деньги под предлогом штрафов, в столице оказалась без рубля. Решила добираться в Тамбура и на платформе встала на удивление быстро доехала до Ростова, там до Краснодара. Отсюда поездом Краснодар-Ахтари она скоро приехала в Рогоску, которую совершенно не знала, потому что ее вывезли отсюда трехлетней. На нее смотрели с удивлением, поскольку был март, стояла теплина, а она в теплом пальто, сапогах и разговор здесь другой, «барбаре».

Показали ей от вокзала, в каждую сторону станции, а скоро нагнал ее верховой, расстроил, представился: «Я Александр Романович Краснояружнич, третий секретарь Рогоского райкома партии». И дальше, вездеша пошла с Галяй через вагон станицу в район кладбища, там климат хвоез из одного дома и уехал, сказав: «Ну, теперь ваша даша».

Вышли две женщины, оказались жена одного из старших братьев Галины Федора и ее дочь. Вечером приехал с работы сын дочери тракторист Галина, большой молчун. Вечер прошел в распрасвах. Галя у них отоспалась после дороги, а утром ей стало: хочешь — оставайся, но rigorous строгий и лишней в доме не захочет. А вот на хуторе Некрасова живут две тещастры — Мотя и Мила.

Боже мой, Мил! Мил! Откуда бежала с Урала еще в начале тридцатых? И Галя пешком пошла на хутор Некрасова, до которого 18 километров.

Собственно, мы на этом прерываем воспоминания Галя — Анны Емельяновны Киная. Это далеко идущий этап жизни. Никто не видел, как она упала с этим мешком, и кровавая пена появилась у нее на губах. Ночью мажора умерла. И вышло так, что из многочисленных детей хоронила ее Маня да Галя, которая еще мало что понимала. Другие дети разбрелись по заработкам и не сразу узнали о смерти матери.

и промочу дельны, наконец, Емельян своей мечты — купил, скопив денег, молотилку с трактором, и молотить не то, что цепями. Большая была крестьянская радость.

Тут и прислели раскулачниками, истребителями военной контры. Пришли грубые, обзывались, топтали Емельяна и первым делом увели молотилку с трактором, и обломалось что-то у него в груди, худо ему стало, сник и заболел он. А порой безумство на него находило, но сыны удерживали. Раскулачники же приходили день за днем и забирали то одно, то другое, хозяйство болше, враз не растащешь. Забрали 16 лошадей, 41 корову разного возраста, 80 овец, свиней, птицу, пазили кругом — на горище, в подвалах, выгребли все из амбара, из зерновой ямы, и так все чисто выбрали, что не осталось у семьи поест на один раз.

Тем же порядком уносили скраб — подушки, перины, но оставались и рядная, одежду всякую. В один момент сын ухватился за вилы, но тут уже отец остановил его вялым движением руки, сказавши: «Хай бы-руть».

Берущие на том не остановились и все хлева, сараи, амбары, загоны, подкаты разбирали по частям, ни еды, ни одежды. Стол февраль. Увозили раскулаченные семьи ночью на подводах, но народ и ночью сбегался, каждый совал отъезжающим ки продукты, кто вещи. Привезли на станцию, там погрузили в вагоны. Было темно и холодно, кругом охрана с ружьями. Поехали.

Ехали много дней, порою по нескольким дням стояли на полуставах, в туманах. Вагон не топился, свету не было, хитяты вать негде. Куда ехали, никто не знал. По приметам двигались в сторону Урала, и с каждым днем климат становился суровее. Люди истощались, перемерзали и стали умирать. Время от времени поезд вставал где-нибудь в поле, из вагонов выносили трупы и зарывали в снег.

люди простужались, болели, добавлялись цинга, многие слабели от истощения. Много людей умерло той зимой.

Снег сошел, приехали специалисты, планировали, как и где строить дома, работа закипела. А переселенцы все прибывали. Уже начиналось заселение, потому что первые дома были готовы. У Емельяна самая большая семья, ему разрешили занять полностью дом, но он отказался и, как все, занял подвала.

Готовясь к зиме, в лесу собирали все, что можно: корни, травы, массу всяких ягод, разумеется, кедровые орехи, за которыми зимой ходили. Еще заготавливали какую-то кору, долго ее топили в порошке, потом мешали с травами и пекли лепешки. Емельяны с семьей очень беспокоились, как же пережить зиму. Старшие Васюха, Мила, Надя, Рая решили идти по деревням искать какой-нибудь работы. Отец всю зиму сидел у печи сапожничал, он это знал хорошо, ему несли рваную обувь, и он понемному подбавлял, беря продуктами.

Весной опять закипела стройка, и вот уже поставили двухэтажный дом, ввели клуб, верку школы, где две комнаты, в каждой по

Много отдали в няньки. Галя — в приют для осиротевших детей, где кормили плохо, а бывало по несколько дней не кормили вовсе. Дети слабели и умирали, и к весне больше половины кроваток освободилось. Весной пророс шарпыры во дворе, дети ели то. У Галя не было сил шипать, она ложилась на землю и откусывала его зубами.

привычные все время пригласить от голода, пока не прирала фрамиллю замужеством и стала Нененко. Потом мужа взяли на войну и убили.

Члены семьи Шабатуры выжили в целом поодиночке, каждый сам по себе, а когда тянулись друг к другу, то не очень получалось. Уже на Урале сначала держались вместе, потом постепенно кто в няньки, кто на лесоповале, кто в колхоз, кто на стлыв, а потом пошли взросления, отношения плохи, и каждый искал своего куска. И даже здесь, на своей Кубани, пошло дело врозь: кто в

КОЛДЫЖИ

Заведовала приютом Ольга Дмитриевна, очень красивая женщина, но детей не любила и приходило мимо гордо, ни на кого не глядя. Однажды приехали двое из НКВД и увезли ее в наручниках. И прошепело слово «саботаж». И стало в приюте намного лучше жить, и дети перестали голодать.

Потом по указанию Сталина приюты сократили, Галя взяла к себе брат Васюха, сестры потихоньку выходили замуж, рожились женился и Васюха. Галя ходила в школу. И тут их выделяют 14 семей на новое поселение — в совхоз «Исток» Свердловской области. Совхоз крепкий. И они устроились и жили в этом совхозе, и Галя имела за плечами пять классов, когда началась война. Сразу объявили картонную систему, рабочему на день хлеба 400, иждивенцу — 200 граммов. Галя бросила школу и пошла работать, а в 1942 году вступила в комсомол. Зимой на ферме кайлиги (рубил мерзлый навоз, вели санями в поле на свои участки, закрепленные за комсомольско-молодежники званиями, и там штабеливали плоты, чтобы он согрелся и перепревал. А вою

станции, кто на хуторе, кто и вовсе за границей, а кто-то норювил даже в полиция, говорили, приспособился. А что, собственно, так-го, если тебя обьявляют врагом народа на весь божий свет, отчего не быть им? Хотя бы в целях мести своим обидчикам.

Как бы там ни было, развалилась семья, не стало скрепляющей основы, которую было собственность и труд, ее образующий. Когу стало лучше оттого, что погибла крепкая и мощная ячейка общества, настоящий мальчишья колхоз, где каждый чувствовал себя материально обеспеченным и защищенным от житейских невзгод?

Вет пять назад Анна Емельяновна съездила на Урал и нашла там в живых только сестру Маню, которая была на пять лет старше. Тогда три назад она умерла. Анна Емельяновна не обо всех своих братьях и сестрах знает, что с ними сталось, но думает, что она осталась одна. Ведь ей сегодня 78, а была она в семье младшею...

Уже больше 70 лет нет на свете Емельяны Шабатуры. А дом его стоит, и нет ему изноу. Только в нем живут совсем посторонние люди.

Г. ТАМБИЯНЦ